

Гринберг Р. С.

Прагматизм политэкономии

О книге Гжегожа Колодко «Куда идет мир: политическая экономия будущего» (М. : Магистр, 2014. — 528 с.)

Доступ к электронной версии:

<http://www.znaniium.com/catalog.php?item=booksearch&code=kolodko>

Профессор Колодко, известный в мире экономист, дважды вице-премьер и министр финансов Польши, не так давно опубликовал книгу о проблемах мирового развития. Она переведена на несколько языков. В буквальном переводе с польского она называется «Бродячий мир», российское издание названо «Мир в движении», а американский издатель предпочел название «Правда, ошибки и ложь: экономика и политика в нестабильном мире». Эта книга — путешествие по странам, векам и дисциплинам, размышления о важнейших закономерностях развития и взгляд в будущее. Затем последовала «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», где автор сделал попытку разобраться в истоках кризиса 2007—2009 гг., его развитии и следствиях, причинах и отдаленных результатах.

И вот он представляет экономическому сообществу новую книгу: «Куда идет мир: политическая экономия будущего». Название вполне в духе автора: яркое и провоцирующее. Сегодня общественные науки сходятся в том, что устройство и функционирование окружающего мира все менее понятно, в нем все больше нелогичности и, следовательно, неопределенности. Что же увидел в будущем профессор Колодко? Еще в первой книге трилогии, «Мире в движении», он сформулировал 12 великих проблем будущего, фундаментальные опасности и шансы развития:

- 1) темп и границы экономического роста,
- 2) эволюция ценностей и их культурный подтекст для процессов развития,
- 3) институционализация глобализации *versus* нарастающее отсутствие координации и хаос,
- 4) региональная интеграция и ее связь с глобализацией,
- 5) позиция и роль неправительственных организаций,
- 6) природная среда и соперничество за истощающиеся природные ресурсы,
- 7) демографические процессы и миграция населения,
- 8) бедность, нищета и социальное неравенство,

- 9) экономика и общество на основе знания,
- 10) научно-технический прогресс,
- 11) эволюция Интернета и ее экономические последствия,
- 12) конфликты и безопасность, война и мир.

Очевидно, что дальнейшее развитие возможно лишь в условиях мира. Но если человечество может противостоять другим угрозам и пользоваться предоставляемыми ему шансами, то оно сможет предотвратить войну и справиться с конфликтами.

В новой книге узловая проблема хозяйственной динамики уступила место проблеме ценностей. Последние годы четко показывают, что идейно-моральный кризис и отсутствие соответствующего регулирования глобальной экономики имеют критическое значение не только для современности. Последствия идеологического замешательства, институциональной неразберихи и организационной слабости отбросят длинную тень на будущее. Поэтому во главе вопросов, которые определяют лицо будущего, следует поставить проблему ценностей, которым подчиняется экономика, и в этом нельзя не согласиться с автором.

Недавний финансовый кризис показал крах радикального либерализма, рыночного фундаментализма. 30 лет назад считалось, что любой вариант социализма — это ужасно. Западная экономическая мысль была определено правой. И особенно смешно, что озвучивали подобные взгляды европейские профессора, чья счастливая судьба, начиная от яслей и заканчивая пенсией, полностью гарантирована государством. Но нам они говорили: вы начинаете новую жизнь, вы не должны совершать наших ошибок, думать о крестьянах, субсидиях, субвенциях. Рынок, дескать, сам мощный регулятор, а правительство, по известному афоризму М. Фридена, не решает проблем, оно само по себе проблема.

Однако подходы, для которых характерна уверенность в неисчерпаемом потенциале рыночного саморегулирования и преимущественно конкурентного взаимодействия капитала и наемного труда, подходы, все еще господствующие в современном мире и в России, доказали свою ограниченность. Нельзя однозначно сказать, что левые адекватнее правых или наоборот, но влияние левых в мире увеличивается, это факт. Наступает время социал-демократии. Время искать реальные последовательные и серьезные подвижки в экономической теории. Сейчас идет речь о возвращении к гуманному капитализму или, если угодно, гуманному социализму.

Название новой книги проф. Колодко возвращает нас к дискуссиям уже, казалось, устаревшим, но вновь ставшим актуальными в новом веке: о фундаментальных проблемах методологии и теории политической экономии. Нам надо сделать шаг вперед от работы исключительно в рамках парадигмы, ориентированной на исследование путей оптимального использования рационально-эгоистическим человеком ограниченных ресурсов к новой экономической теории. В этой теории следовало бы уделить больше внимания анализу социально-экономических процессов, реальных противоречий интересов различных общественных сил, исторических достижений и пределов конкретных экономических систем, учету социальных, гуманитарных, политических факторов экономического развития, их национальной специфики. Автор предлагает нам сделать шаг к такой теории. Свой метод он называет «новым прагматизмом».

«Если мы хотим, чтобы мир будущего был мирным и в меру гармоничным — а мы ведь хотим этого — то в процесс экономического воспроизводства следует внести новые ценности, но при этом ни на минуту нельзя забывать о прагматизме, который является фундаментальной имманентной чертой рационального ведения хозяйства. Необходим прагматизм, поощряющий мультикультурность и исходящий из системы ценностей, которые способствуют глобализации участия, социальной сплоченности и сбалансированному развитию» (Колодко, 2014, с. 457).

Что же означает сбалансированное развитие? Оно означает рост, сбалансированный экономически, социально и экологически.

Так случилось, что в России мы — и это, по-моему, наша национальная болезнь, продолжающаяся по сей день, — увлеклись онтологизацией теоретических схем, иначе говоря, стремлением как можно быстрее внедрить в жизнь какие-нибудь прогрессивные идеи. При реализации идей светлого будущего — иначе говоря, идей социально-экономического развития — мы пережили две великие утопии: директивный план и свободный рынок. Директивный план сделал много полезного — имею в виду даже не успехи индустриализации, а прогресс образования, здравоохранения, науки и культуры. Но обратная сторона директивного плана — запрет на предпринимательскую деятельность, унижительная нехватка необходимых благ и перепроизводство ненужных. Мы возненавидели прежний строй, плановую экономику и поверили в другую мечту — свободный рынок.

Первое десятилетие построения капитализма в России, 1990-е годы, можно было бы

оценить как «анархо-либеральный капитализм». Почему? Ответ прост: одна система исчезла, вторая еще не возникла. Она стала создаваться в результате отмены всех ограничений. То есть без институтов, без правил и без морали, если, конечно, не считать, что Павку Корчагина в качестве идеального человека заменил Роман Абрамович.

И потом, настоящий либерализм предполагает некие правила, в рамках которых можно начинать рыночную игру. А здесь была анархия: сильный — слабый, непонятно кто прав, кто виноват. Ясно, что сильные должны были победить.

Несмотря на все нелепости, административно-командному социализму удалось создать некоторые основы жизни человека, позволяющие менее болезненно перейти к совершенно новому типу организации хозяйственной жизни. Но именно эти основы — здравоохранение, образование, наука и культура, составляющие в целом социальную политику государства, — стали первыми жертвами перехода от социализма к капитализму.

Наивно было бы полагать, что переход от одной формации к другой может пройти безболезненно. Тем не менее необходимо стараться сохранять некоторые здоровые фундаменты, созданные социалистической системой.

Образование, медицина и т. д. — это не какая-то благотворительность, а инвестиции в человека. И экономический рост без этого невозможен. Если вы хотите иметь будущее, вы должны финансировать науку и культуру. Мы, к сожалению, пытаемся все поставить на коммерческие рельсы. Это модель элитарного общества.

После абсолютно неприемлемого опыта избыточного равенства бросились в другую крайность — к избыточному неравенству: 20% среднего класса — это ничто. Кстати, эта цифра интересным образом коррелирует с количеством людей, имеющих загранпаспорта. Думаю, это не случайно. Нам кажется, что каждый ездит в Италию, катается в Австрии на горных лыжах и т. д. А на самом деле это не такая большая часть населения.

Становление новой экономики привело к мощнейшей поляризации. Мы буквально жаждали дифференцированной оплаты труда, опять же оглядываясь на Запад. Причем больше учитывали его слова, а не дела. Когда Маргарет Тэтчер провозгласила лозунг: «Да здравствует право на неравенство», мы реализовали его так, как ей и не снилось. Если в советское время доходы высокооплачиваемых граждан только в 3—4 раза превышали доходы низкооплачиваемых, то сразу после «шоковой терапии» разрыв вырос до 10—12 раз, а сегодня достигает 16! Так, практически неограниченная игра рыночных сил привела к тому,

что слишком мало людей в стране имеют слишком много, а остальные лишь выживают. Наши соседи в Восточной Европе и странах Балтии, в отличие от нас, не допустили безудержного капитализма. Потому что умели слушать и договариваться, понимая: раз нет идеальных решений, значит, надо стремиться к компромиссу. Они добились определенного социального консенсуса в перераспределении первичных доходов. Основной социальный принцип Запада: благосостояние должно быть доступно всем. Любой человек имеет право на достойную жизнь. Если вы заработали миллион, то обязаны через государственный бюджет поделиться с теми, кто не так удачлив. Учет интересов малоимущих и неимущих — не благотворительность. Джон Кеннеди однажды заметил, что если вы не допускаете мирную революцию, то получаете насильственную.

Цена российских рыночных преобразований на основе праволиберальных идей является не просто высокой, а вообще запредельной. Так что от бунтов и мятежей страну спасают только исключительное долготерпение россиян, их инстинктивное неприятие пережитого полуказарменного социализма и, конечно же, мощные традиции самокормления с приусадебных участков.

Возможно, именно поэтому установка на тотальную коммерциализацию социальных услуг и сегодня считается безальтернативной. А ведь и без того в России неудовлетворительное, подчас унижающее положение человека стало почти нормой. Даже в сфере образования, которым мы всегда по праву гордились, страна скатилась на 30-е место в мире. Но вот по числу «платных» студентов она вышла едва ли не на первое место. По уровню здравоохранения мы вообще опустились на 130-е место в мире. А разве не эти сферы в первую очередь формируют человеческий капитал и интеллектуальный потенциал современного государства?

Нелепо гордиться плоской шкалой налогообложения, когда и бедные, и богатые платят 13% со своих доходов. А в Китае, которым принято восхищаться как успешно развивающейся страной, бедные с уровнем доходов ниже \$500 в месяц вообще не платят налогов в целях становления среднего класса, а богатые платят налоги по прогрессивной шкале с самой высокой планкой в 40%.

Г. Колодко ссылается на проводившиеся на Западе исследования закономерностей распределения доходов: «Соотношение доходов имеет принципиальное значение для

долгосрочного хозяйственного роста. В частности, ему способствует равномерное их распределение. Этот вывод сделан на основе сравнительных исследований, охвативших длительные временные отрезки, и не подлежит сомнению. Экономический рост имеет более устойчивый характер в странах с относительно низкой степенью неравномерности в распределении доходов. Более того, соотношения в распределении доходов имели там более весомое значение для хозяйственной динамики, чем либерализация торговли и качество политических институтов.¹ Уже одно это показывает, на что политика развития должна обращать особое внимание» (Колодко, 2014, с. 458).

Второе десятилетие реформ я бы назвал анархо-феодальным капитализмом. В том смысле, что большинство населения руководствовались принципом «спасайся, кто может». Власть тем временем распоряжается денежными потоками, действуя, в сущности, по феодальным правилам. И все как у людей — есть парламент, сдержки-противовесы, есть даже структурная политика. Другое дело, что никогда не знаешь — какая. В России отсутствовал каркас, который, собственно говоря, и скрепляет общество, и тот золотой дождь, который мы имели в прошедшее десятилетие, был использован, мягко говоря, не очень разумно...

Наконец, третье десятилетие. Здесь мы стоим на развилке. Либо устойчивое развитие после двух поражений, либо неизбежное структурное загнивание. И если после двух поражений — примитивизации научно-технического потенциала страны и расслоения общества — страна еще более-менее может оправиться, то третье поражение — структурное загнивание — смерти подобно.

Даже по самым оптимистическим прогнозам, «золотой дождь» от экспорта нефти иссякнет уже к середине следующего десятилетия. Кроме того, плодами именно такой топливно-сырьевой экономики пользуются не больше четверти населения. И наконец, если ничего не менять в текущей экономической политике, страна может окончательно вползти в зону технологического захолустья. Пользуясь терминологией Г. Колодко, настало время прагматичных решений.

Изучение постсоветского научно-технического и производственного потенциала показывает: в структуре нашей экономики надо выбрать четыре приоритетных сектора

¹ Berg A. G., Ostry J. D. Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin? / IMF Staff Discussion

модернизации. Речь идёт о производствах, требующих систематической государственной поддержки.

Первый сектор — это увеличение степени переработки добываемых в стране топливно-сырьевых ресурсов. Сегодня, например, мы продаём в основном круглый лес, а не пиломатериалы, бумагу или целлюлозу, как это делают финны, зарабатывая в 4 раза больше нас на одном кубометре древесины, которая там почти вся (97%) идёт на переработку. То же самое относится и к другим видам сырья, включая нефть, из которой производится в 3 раза меньше нефтепродуктов, чем у наших конкурентов.

Второй сектор — специальные машиностроительные производства, необходимые для поддержания на должном уровне военно-промышленного комплекса. Здесь критерии эффективности не должны играть решающей роли при определении предмета господдержки просто потому, что ядерная держава не может остаться без собственного машиностроения.

Третий сектор, нуждающийся в государственной опеке, как раз предполагает первенство критериев эффективности и конкурентоспособности. Речь идёт о промышленных изделиях, приближающихся по качеству к лучшим зарубежным аналогам. К счастью, у нас есть предприятия, наладившие серийное производство товаров приличного международного уровня. Это грузовики, вертолёты, вагоны, лифты, некоторые виды судов и ещё кое-что. Но этого скандально мало для такой страны, как Россия, которая вполне в состоянии добавить к этому списку ещё десяток конкурентоспособных брендов.

Приходится тем не менее признать, что серийное промышленное производство — не наш конёк. Есть у нас одна, так сказать, культурно-историческая особенность. Мы, россияне, очень творческие люди — нам трудно одно и то же делать постоянно, как того требует индустриальное производство. Это легко даётся китайцам. Мы же хорошо работаем рывками — на проекты. Такие, например, как гидроэлектростанции, освоение космоса, атомные станции, олимпийские объекты.

Вот и сегодня наша фишка — воплощение величественных замыслов. Среди них, на мой взгляд, наиболее перспективный проект (международного уровня) — строительство скоростной железнодорожной магистрали от Южной Кореи до Португалии. Собственно, это и есть сердцевина четвёртого приоритетного сектора модернизации структуры российской экономики.

Теперь о двух условиях, без наличия которых всё это вряд ли может быть реализовано.

Во-первых, более или менее масштабное производство отечественных промышленных товаров требует массового покупательского спроса. А его сегодня нет из-за очень низких доходов большинства работающего населения. Поэтому рано или поздно придётся отказаться от плоской шкалы налогообложения личных доходов и ввести в качестве обязательного минимальный уровень почасовой оплаты труда.

Во-вторых, сохраняется опасность, что в третьем десятилетии наступит застой, обусловленный тотальным бюрократическим произволом. Эта опасность — государственно-монополистический капитализм. Монополизм тотальный во всем — в экономике, политике, культуре даже, если говорить об основных каналах жизни. И это, естественно, блокирует какое-то движение вперед, обостряет проблему отсутствия социальных лифтов. Здесь просматривается очень серьезный риск. Современный российский капитализм с учетом действующих в стране законов — это синтез двух крайностей, который только Россия может продемонстрировать. С одной стороны, анархо-капитализм, такой же, как на заре развития, т.е. в XVII—XVIII вв. С другой — административно-бюрократический произвол чуть ли не 30-х годов XX в. Я имею в виду полную маркетизацию социальной сферы — образования, науки, культуры, здравоохранения. И жесткое администрирование тех предприятий, которые остаются государственными, недоверие руководству и восстановление схемы, в соответствии с которой деньги, полученные на ластики, нельзя потратить на скрепки...

Думаю, что у нас большой дефицит демократических институтов. Будь у нас развита политическая состязательность, то тогда стихийно можно было бы определить роль тех или иных экономистов в подготовке тех или иных решений. Например, в Польше политика строится на базе теоретических выкладок двух ученых, придерживающихся разнополярных взглядов: Лешека Бальцеровича с его радикальным либерализмом и Гжегожа Колодко, приверженца либерализма прагматического, как я его условно называю. В моем представлении это и есть демократия. Не какая-нибудь абстрактная ценность, а практическое средство для изменения политики.

Увы, в силу разных причин, в которые не буду вдаваться, в России подобного нет. Есть лишь в определенном смысле имитационная демократическая система.

Тогда как необходим демократический контроль над бюрократией, когда на страже интересов граждан стоят конкурирующие политические партии, независимые суды, разного

рода правозащитные организации, СМИ, профсоюзы и др. Если этого нет, бюрократический произвол ограничен только личным представлением чиновника о добре и зле.

Вывод очевиден: население должно превращаться в гражданское общество. А это значит, что подданный должен стать гражданином со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сегодня мир находится в мировоззренческом тупике. Почему советская власть рухнула? Не только потому, что в основе ее была утопическая идея «раньше думай о Родине, а потом о себе». Запрещено было предпринимательство как исключительно важная часть человеческого творчества. Накануне революции 1917 г. наша страна была больна несправедливостью. Но ввели равенство не только в шансах, но и в потреблении, а это вообще подрывает всякие стимулы к труду.

Если и был золотой век человечества, то это 50—60-е годы прошлого века в Европе и США, когда процветал социальный капитализм, было создано почти бесклассовое общество, в котором правит меритократия, т.е. оцениваются твои заслуги. Независимо от того, из какой ты семьи, государство предоставляет всем равные права (в том числе и через перераспределение личных доходов), дальше все зависит от тебя самого.

Действия государственных чиновников были направлены на поддержку тех, кто по разным причинам проигрывал в рыночной конкуренции. В сущности, говорилось: «Как бы плохо ни обращался с вами капитализм, демократия на вашей стороне». Средний класс создали демократические механизмы и перераспределительные процессы, а вовсе не рынок.

Но перераспределения показалось слишком много, и в последующие 30 лет Запад постепенно отступал от достигнутых потом и кровью гуманистических норм и принципов общежития в погоне за иллюзиями возврата к «свободному рынку» под предлогом благородной борьбы с «разбухшей бюрократией». Наступил век рыночного фундаментализма

А затем последовало фиаско неолиберальной идеи — катастрофа дерегулирования, асоциального государства. Катастрофа философии, основанной на личном успехе и обогащении.

Как ни банально это звучит, истина где-то посередине. Нельзя допускать перекосов. Часто слышащиеся сегодня слова «консюмеризм», «бездуховное потребление» напоминают советские времена, когда «Комсомольская правда» и «Литературка» вели «борьбу с вещизмом». Мне кажется, что и нынешние охи и ахи по поводу «трясины потребления», в

которую мы якобы погружаемся, отдают лицемерием. Хочу подчеркнуть: люди, что-то покупающие, способствуют развитию экономики. Надо, чтобы был экономический рост, чтобы рабочие места создавались.

Материальных благ на всех никогда не хватает. Разрыв между теми, у кого все есть, и теми, кто обделен подчас самым элементарным, требует идеологического оправдания. В советскую эпоху такому оправданию служила «борьба с вещиизмом», в новейшие времена ему служит преувеличенная, лицемерная тревога по поводу «чрезмерного потребления».

В мире живет семь миллиардов человек. Из них от силы полтора миллиарда понимают, что означают слова «избыточное потребление». Остальные пять с половиной миллиардов живут на доллар-два в день. За последние четыре десятилетия количество «потребляющих» людей в мире увеличилось чуть ли не на полмиллиарда человек. И все это произошло благодаря успешным рыночным преобразованиям в Китае, Индии, Бразилии, Южной Корее, Таиланде, Вьетнаме и ряде других, в основном азиатских, стран. Но этот беспрецедентный рывок из нищеты и бедности к относительному благосостоянию оплачивается, как теперь становится все более очевидным, чрезвычайно опасной для жизни деградацией окружающей среды. Похоже, впору говорить о феномене перепотребления как о важнейшем факторе возросшей антропогенной нагрузки на окружающую среду. Те же целлофановые пакеты. Оказывается, они не разлагаются что-то около пятисот лет. Это кошмар какой-то. Я уж не говорю об автомобилях с их выбросом CO₂. Все это прямо или косвенно связано с потреблением. Но как его ограничить, не прибегая к тоталитарным запретам?

Похоже, в мире начинают пропагандировать умеренность, культивировать самоограничение. Но пока очень робко. В Скандинавии, в германоязычных странах к глобальному потеплению, например, относятся серьезно. В других — не очень. А про нас, россиян, вообще нечего говорить. Потому что мы выпускники сиротского приюта. И потепления не только не боимся, а наоборот, хотим и приветствуем.

Может быть, должен пройти какой-то период привыкания к богатству. Мы ведь действительно почти все до недавнего времени были нищими. Демонстрация роскоши, упоение ею — они не оттого ли, что не было ни гроша, да вдруг алтын? Нет привычки не то что к роскоши, даже к относительному материальному благополучию. Появится эта привычка — и объем продаж «Бентли» в России упадет.

При всех издержках потребления его надо культивировать. Да и рынок требует, чтобы мы потребляли. Уныние, скардность, пессимизм, постоянное ожидание конца света — все это ведет к остановке экономики. Потребление — это синоним свободы. Мы должны иметь выбор на все, будь то носки или премьер-министры. Материальный достаток дает свободу. Дает свободу, но не делает счастливым. А закабалает он неразвитую личность. Надо иметь какую-то мечту, не связанную с деньгами, чтобы они не закабалляли.

Я не вижу в консьюмеризме ничего предосудительного. По-моему, в России всегда было презрение к материальной культуре — все больше о народе думать полагалось. Наверное, есть что-то преувеличенно аскетическое в сознании русской интеллигенции. Как бы то ни было, довольно нелепо противопоставлять духовное материальному, как мы привыкли делать.

Ультралибералы настаивают на том, что сначала надо накормить народ, а потом, мол, можно «подавать» ему и социалку, как подчеркнуто презрительно называют они основы социальной политики. А я придерживаюсь другой точки зрения: все это как раз является предпосылкой, а не следствием. Не надо забывать, что все эти основы жизни — здравоохранение, образование, наука и культура, составляющие в целом социальную политику государства, были созданы именно при социализме. А это значит, что справедливость, пусть и ценой утраты свободы, но все-таки состоялась. Фридман же утверждал, что все это ерунда, что на самом деле все эти вещи являются не предпосылкой, а плодами экономического роста.

И подобная дискуссия в мире продолжается.

Все согласны с тем, что двигателем развития являются политические, экономические и социальные институты, стимулирующие конкуренцию. Но именно их лишена экономическая политика, основанная на праволиберальной философии.

Как пишет Г. Колодко, «сбалансированное социальное распределение доходов является одновременно средством достижения другой цели, т.е. экономического роста. Этой зависимости не смогла и не захотела понять неолиберальная экономическая мысль, а также опирающаяся на нее экономическая политика, доведшая поэтому до серьезного кризиса и сама себя уничтожившая».

Впрочем, Г Колодко полагает, что нет будущего не только у неолиберализма, но и у госкапитализма:

«Не сумела понять это и экономическая мысль, на которую ориентируются всевозможные варианты госкапитализма, и поэтому у нее тоже нет светлого будущего. Пришло время Нового Прагматизма» (Колодко, 2014, с. 458).

Современный капитализм, с какими бы серьезными трудностями он сегодня ни сталкивался, является продуктом эволюционных изменений. И решающее из них — обуздание рыночных сил саморегулирования реально действующими механизмами демократии, права и справедливости.

К счастью, глобальный финансово-экономический кризис со всей очевидностью выявил исчерпанность праволиберальной философии развития с ее, по точному замечанию Б. Обамы, «культурой безответственности». Возвращение к политике общественного интереса наблюдается ныне во всем мире. Яркий пример тому — экономическая политика американского президента и заметное полевение общественного мнения в странах Европы. Вот и России пора бы отказаться от ошибочного понимания «правильного» капитализма. И здесь нет никакой разумной альтернативы леволиберальной идее.

Острота ситуации, связанная с угрозами увеличения отставания России от стран-лидеров современного мира, более того, опасность необратимости этого отставания, заставляет говорить о трех неотложных императивах социально-экономического развития: структурном, социальном и институциональном.

Новый тип экономической политики — леволиберальный — должен включать в себя реиндустриализацию экономики посредством промышленной политики и стратегического планирования, введение прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов, отказ от коррупционных законов и институтов, значительные преференции для среднего класса, увеличение в 2—3 раза бюджетных расходов на образование, науку, здравоохранение и культуру, рост гражданского самосознания и возрождение местного самоуправления.

Должна быть сформирована новая парадигма экономического развития в интересах большинства населения. И это не должно смущать поборников свободы. Новый курс — нормальный исторический разворот не от либерализма, а от тех, кто дискредитировал понятия рынка и демократии либо по склонности к подражательству, либо в сугубо корыстных интересах. По емкой формулировке Г. Колодко, не надо приносить основные принципы в жертву конъюнктуре или тактическим соображениям, а надо этим принципам подчинить практическую стратегическую деятельность. Этот императив как раз и намечает

путь эволюции политической экономики будущего.

УДК 338(100)

ББК 65.012.4

Г85

Гринберг Р. С.

Г85

Прагматизм политэкономии. — М. : Магистр, 2015. — 16 с.

ISBN 978-5-9776-0357-7

Рецензия на новую книгу известного ученого и общественного деятеля Г. Колодко «Куда идет мир». Суть рецензии можно сформулировать, перефразировав название оригинала — куда идет политэкономия будущего: прагматизм против онтологизации теоретических схем.

Для широкого круга читателей.

УДК 338(100)

ББК 65.012.4

ISBN 978-5-9776-0357-7

© Гринберг Р. С., 2015